

В. Сырокомла

**История польской
литературы**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Сырокомла**
История польской литературы: Том 1 / В. Сырокомла – М.: Книга по Требова-
нию, 2014. – 564 с.

ISBN 978-5-517-95768-9

ISBN 978-5-517-95768-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Сентября 15 дня, 1860 года.

Ценсоръ *И. Роскошанко.*

ПРОГРАММА.

Что за цѣль и необходимость появленія новаго сочиненія по части исторіи польской литературы, послѣ трудовъ Бентковскаго, Юхера, Вишневскаго, Войцицкаго, Л. Лукашевича и др.? По какому плану будетъ исполненъ этотъ новый трудъ? — Вотъ тѣ естественные со стороны читателей вопросы, на которые долгомъ своимъ считаемъ отвѣтить.

Исторія литературы у насъ только еще въ недавнее время подверглась разработкѣ ученой. Лучшіе дѣятели на этой нивѣ вступили на поле, оставленное безъ всякаго употребленія, — поле, на которомъ даже перо простаго лѣтописца не собрало фактовъ, не тронуло ни одной борозды пара. Въ то время, когда польская исторія уже гордилась Нарушевичемъ, исторія литературы едва могла еще указать у себя на простыхъ библіографовъ. Отсюда понятно, что труды по части исторіи литературы не имѣли еще времени значительно подвинуться впередъ. Изъ сочиненій, написанныхъ по этому предмету, одни исключительно посвящены описанію книгъ и составленію каталоговъ, какъ необходимаго матеріала для исторіи;

VIII

другія единственно занимаются произведеніями, писанными на языкѣ польскомъ, и эрою нашей литературы считаютъ дѣятельность Рея и Кохановскаго; наконецъ третьи, обнимая взоромъ всѣ періоды народной жизни, не могутъ обойтись безъ эрудиціи древнепольской и латинской и этими изслѣдованіями на столько же придаютъ полноты и всесторонности своему содержанію, на сколько удаляются отъ главной своей цѣли—познакомить публику вообще съ ходомъ и успѣхами литературы. При этомъ мнѣ невольно приходитъ на мысль умный и трудолюбивый Вишневскій, который, обнимая однимъ взглядомъ всѣ десять вѣковъ нашей письменности, началъ намъ рассказывать объ ея произведеніяхъ живымъ и одушевленнымъ словомъ. Но недостатокъ матеріаловъ часто заставлялъ его покидать исторію и обращаться къ ихъ разработкѣ и обнародованію, идти путемъ дотоле неизвѣстнымъ, искать причинъ и слѣдствій слишкомъ далеко, — все это вмѣстѣ разрушало ту легкость, ту красоту стиля, которыя такъ восхищаютъ насъ на первыхъ страницахъ перваго тома его исторіи литературы. Впрочемъ и самыя силы человѣческія слишкомъ слабы для того, чтобы говорить съ одинаковымъ жаромъ и о темныхъ временахъ Пястовъ, и о скучномъ пятнадцатомъ вѣкѣ, и о полныхъ жизни и движенія временахъ Сигизмундовъ, словомъ — всегда и вездѣ владѣть собою. И Вишневскій, подобно Гомеру, по временамъ какъ будто дремалъ надъ грудю хламу XV столѣтія и, внося матеріалы сырьемъ въ свое сочиненіе, лишилъ его популярности. А жаль!—жаль какъ по причинѣ достоинствъ его труда, такъ еще болѣе по отношенію къ публикѣ, которая могла бы найти у него много прекраснаго и по-

IX

лезлаго. Вишневскій, единственный, быть можетъ, у насъ холодный и безпристрастный историкъ литературы, одинъ съумѣлъ бы объяснить ее съ истинной точки зрѣнія; а потому съ благодарностію мы принимаемъ каждый новый томъ его сочиненія и съ нетерпѣніемъ ожидаемъ прочихъ. Съ другой стороны, горячее пристрастіе къ временамъ новѣйшимъ и къ извѣстнымъ мнѣніямъ, сужденіе о глубокой древности по понятіямъ современнымъ, а слѣдовательно пренебреженіе и презрѣніе ко всему тому, что не подходитъ подъ эту мѣрку, — вотъ главные недостатки прочихъ писателей. Но за то труды ихъ привлекательнѣе и, не смотря на свою односторонность, имѣютъ гораздо болѣе читателей.

Но не критиковать историковъ нашей литературы, напротивъ я намѣренъ пользоваться ихъ трудами, чтобы легко и общедоступно передать моимъ соотечественникамъ исторію нашей письменности, соединяя въ сочиненіи многосторонній взглядъ Вишневскаго съ тою легкостію, которою дышитъ Войцицкій. Подобно Леславу Лукашевичу, я хочу дать публикѣ сочиненіе небольшое, но полезное и умѣренной цѣны. Пусть достопочтенные мужи, имена которыхъ я здѣсь упоминаю, не считаютъ меня равнымъ себѣ писателемъ — да и невозможно сравниться солнцу съ зажигательнымъ стекломъ, которое соединяетъ въ своемъ фокусѣ его благотворные лучи. Преимущественно имѣя въ виду большинство читателей, я, ни мало не колеблясь, буду излагать исторію нашей литературы языкомъ современнымъ, для всякаго понятнымъ всегда и вездѣ: придется ли мнѣ говорить о первыхъ латинскихъ вѣкахъ нашей письменности, или представлять самородную, старо-польскую рѣчь шестнадца-

Х

таго вѣка, или въ семнадцатомъ вѣкѣ коснуться макароническаго іезуитскаго стиля, — все равно; только въ заглавіяхъ пѣсней и въ мѣстахъ характеристическихъ я сохранию черты ихъ оригинальности. Словомъ: я буду писать языкомъ польскимъ. Не стану испещрять своего сочиненія ссылками на источники, не потому, конечно, чтобъ я не пользовался ими, но потому, что доказанное трудами моихъ предшественниковъ принимаю за вѣрное. Не стану писать примѣчаній и объясненій, потому что маловажныя подробности пройду молчаніемъ, а все необходимое надѣюсь помѣстить и въ текстъ. Поддержать интересъ въ изложеніи и соблюсти простоту разсказа — вотъ цѣль, къ которой я буду стремиться.

Изъ этой цѣли прямо вытекаетъ отвѣтъ на вопросъ о томъ планѣ, которому предполагается слѣдовать при изложеніи нашего предмета. Итакъ остается только указать на его раздѣленіе. Мнѣнія объ этомъ историковъ нашей литературы разногласятъ между собою. Одни, разсматривая всѣ отрасли наукъ, поочередно останавливаются на каждой ихъ вѣтви и пишутъ исторію каждой въ особенности. Другіе дѣлятъ свой разсказъ на эпохи или извѣстные періоды времени; этого послѣдняго плана и мы намѣрены держаться. Но насчетъ эпохъ мы опять встрѣчаемъ разногласіе въ мнѣніяхъ нашихъ писателей: такъ Бентковскій принимаетъ 5 отдѣльныхъ періодовъ въ исторіи нашей письменности, Вишневскій насчитываетъ ихъ до 9, Леславъ Лукашевичъ довольствуется 8, Маюркевичъ 3 и т. д.: очевидно, что событія, принимаемыя ими за норму подобнаго дѣленія, произвольны; что эпохи сливаются между собою въ своихъ предѣлахъ, хотя предѣлы эти дѣйствительно существуютъ; что какъ

успѣхи, такъ и упадокъ литературы, зависѣли отъ известныхъ причинъ, но послѣдствія и ихъ вліяніе обнаруживались не вдругъ, а исподволь, мало-по-малу. Всѣ эти выводы даютъ смѣлость раздѣлить исторію нашей литературы на тѣ 5 эпохъ, которыя принимаются большинствомъ въ исторіи отечественной; или, что одно и то же, *не назначая особыхъ эпохъ для литературы, слѣдовать за ея ходомъ въ различныхъ эпохи развитія народной жизни.* Пять перемѣнъ династій, господствовавшихъ въ Польшѣ, означая собою пять главнѣйшихъ моментовъ въ политической жизни народа, должны были имѣть и дѣйствительно имѣли сильное вліяніе и на его литературу. Реформы въ правительствѣ и его духъ, времена мира и войны, дни народнаго благоденствія и злополучія должны были отразиться и въ умственныхъ произведеніяхъ современныхъ имъ писателей. И дѣйствительно, у однихъ, которые были органами своего вѣка, это отраженіе очень ясно, у другихъ — болѣе относительное, смѣшанное; но почти всегда эпоха историческая довольно вѣрно соотвѣтствуетъ литературной. Итакъ вотъ наше дѣленіе:

1. *Эпоха дома Пястовъ.* Отъ Мечислава I до вступленія на польскій престолъ Владислава Ягелло, или отъ 969 по 1386, эпоха, обнимающая собою 424 года.

2. *Эпоха дома Яеллоковъ.* Отъ Владислава Ягелло до смерти Стефана Баторія, или отъ 1386 до 1586—200 лѣтъ.

3. *Эпоха дома Вазы.* Отъ Стефана Баторія до отреченія Яна Казимира, отъ 1586 до 1669 — 83 года.

4. *Эпоха избирательнаго правленія.* Отъ отреченія Яна Казимира до отреченія Станислава Августа и третьяго раздѣла Польши, отъ 1669 до 1795 — 124 года.

ХП

5. *Эпоха новѣйшаго состоянія Польши.* Отъ послѣдняго раздѣла Польши до нашихъ временъ.

Конечно, дѣленіе это не есть строго-систематическое, и рѣшительныя перемѣны часто приходятся въ срединѣ эпохъ. Но, съ другой стороны, намъ кажется, что помѣстить ихъ въ срединѣ картины, а не по бокамъ — значитъ придать имъ болѣе полноты, изобразительности и обстановки, такъ что онѣ будутъ дѣйствовать сильнѣе, легче могутъ быть удержаны въ памяти, а что всего важнѣе — упростятъ наше изложеніе и откроютъ взаимную внутреннюю связь между данными моментами литературы и политики. Итакъ :

Въ эпоху Пястовъ, бросивъ бѣглый взглядъ на темные до-христіанскіе вѣка нашего народа, сквозь историческій мракъ, ихъ облегающій, видимъ вдали Римъ во всей силѣ его вліянія на Польшу; видимъ въ ней двѣ власти — духовную и свѣтскую, обѣ самостоятельныя, чаще всего во взаимномъ общеніи подающія другъ другу руку помощи, но часто и противодѣйствующія одна другой, какъ это было при Болеславѣ Храбромъ и Казимирѣ Великомъ; видимъ въ нѣдрахъ зараждающейся общественности еще патріархальный образъ правленія и развитіе началъ феодальныхъ на ряду съ сѣменами республиканскими; видимъ достопамятныя битвы рядомъ съ побѣдами и пораженіями. Религія и образованіе римское, только-что перенесенныя на нашу почву, безъ сомнѣнія, благотворно дѣйствуютъ на нашихъ предковъ; но самовластіе правительства, напоръ Литвы, нападенія Татаръ, домашнія междоусобія, — все это замедляетъ первоначальный ходъ просвѣщенія. А потому нѣтъ ничего удивительнаго, что эти времена такъ скудны литературными

ХІІІ

памятниками. Пѣснь Богородицы (Bogarodzica) служитъ памятникомъ принятія новой вѣры; законодательство доказываетъ самоуправство и недостаточность существовавшихъ уставовъ; лѣтописи для общества еще младенчествующаго стараются быть и хартіями законодательными, и памятниками достопамятныхъ дѣяній народа; соборныя постановленія епископовъ, привилегіи, отдѣльныя постановленія князей, кое-гдѣ уцѣлѣвшая пѣсня или преданіе, — вотъ и всѣ памятники тогдашняго времени. Духовенство и князья стоятъ здѣсь на первомъ планѣ, а о народѣ еще нѣтъ и помину, хотя уже можно подозревать развитіе его силъ. Прекращеніе династіи Пястовъ, слѣдовательно — необходимость избрать короля; призваніе на тронъ Ягелло; неизбѣжное вліяніе вельможъ на власть королевскую; избраніе въ лицѣ Ягелло Литовца, чуждаго образованія и не знающаго своего новаго отечества; необходимость совѣщаній о соединеніи обонхъ государствъ и объ отпорѣ врагамъ; основаніе Академіи въ Краковѣ и, быть можетъ, хотя не совсѣмъ примѣтное вліяніе софизмовъ казуистической философіи — вотъ причины, породившія въ эпоху Ягеллоновъ большую свободу въ народѣ и его литературѣ. Просвѣщеніе разливается повсюду; пытливая мысль, окрыленная свободою, осмѣливается уже подвергать своимъ изслѣдованіямъ даже самую власть. Збигневъ Олесницкій и множество другихъ не разъ уже спорятъ съ Ягелло; уже Краковская Академія разсуждаетъ о важности одного изъ избраній Папъ и дѣло свое переноситъ на судъ Вселенскаго Собора — правленіе соборное, корпоративное кажется ей законнѣе единоличнаго, самодержавнаго. Домогательство неограниченной власти Яна Альбрехта и совѣты Калимаха,

вмѣсто того, чтобы укротить, только раздражаютъ народъ, который уже начинаетъ сознавать себя самостоятельно. Являются народные депутаты и, участвуя въ правленіи сначала только тамъ, гдѣ идетъ дѣло о сборѣ податей, мало-по-малу пріобрѣтаютъ важное значеніе. Сеймы облакаются грозною силою, и король едва при помощи своихъ бароновъ и сената можетъ поддерживать колеблющееся равновѣсіе въ правленіи. Требования народныя все болѣе и болѣе стѣсняють преимущества короля, который для поддержанія своей власти прибѣгаетъ уже къ окольнымъ путямъ. Старыя, родовыя заслуги, гербы и богатыя староства, на раздачу которыхъ король не скупился для своихъ видовъ, раждаютъ сильную и опасную на будущее время аристократію и дѣлаютъ народъ, равный предъ лицомъ закона, на пановъ и шляхту. Магнаты оказываютъ упорное сопротивленіе королю (Глинскіе-Зборовскіе), шляхта день-о-дня ограждаетъ себя новыми преимуществами. Уже послѣ смерти бездѣтнаго Сигизмунда Августа право избранія королей всею землею становится кореннымъ закономъ государства. Между тѣмъ свобода мысли неожиданно получаетъ два новые толчка въ книгопечатаніи и реформаціи Лютера. Оба эти толчка возбуждаютъ новое движеніе, новыя силы въ мірѣ, почти омертвѣвшемъ въ застоѣ среднихъ вѣковъ. Потребность яснаго самосознанія и изслѣдованій самостоятельныхъ все болѣе и болѣе развивается въ Польшѣ. Религіозная реформа принимаетъ въ ней грозныя размѣры. Магнаты ободряютъ ее и поддерживаютъ изъ личныхъ, или политическихъ видовъ. Завязывается борьба между католиками и протестантами, борьба письменная. Печатныя брошюры, политическія, религіозныя,